

УДК 398.8

Инна Анатольевна Швед

*д-р филол. наук, проф., проф. каф. русской литературы и журналистики
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина,
руководитель Центра изучения Беларуси в Аньхойском университете (Китай)*

Ina Shved

*Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Literature and Journalism
of Brest State A. S. Pushkin University,*

Head of the Center for Belarusian Studies of the Anhui University (China)

e-mail: Shved_inna@tut.by

«УПАВ КАМЕНЬ У ВОДУ, ОДЫЛСЯ ОД РОДУ»: ОДИНОЧЕСТВО И ИЗОЛЯЦИЯ В НЕОБРЯДОВОЙ ПОЭЗИИ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ БРЕСТЧИНЫ*

В статье на вернакулярном материале Брестчины охарактеризована песенная артикуляция (с помощью зоологического, растительного, ландшафтного, акционального концептуальных кодов) различных оттенков одиночества и связанных с ним чувств в контексте актуализации определенных культурных императивов и жанровых сценариев. Сделан вывод, что необрядовая поэзия, представленная локальной традицией Брестчины, мотивирует к предпочтению не свободного перемещения в рамках социальной пространственной мобильности и поверхностных множественных социальных связей, а к серьезной вовлеченности человека в малую (семейную, родовую, соседскую) группу, ответственности за межличностные отношения в ней, созданию эмоций с относительно узкой конкретной направленностью и глубоким смыслом, в том числе теплых чувств в «рефлексивном свете» значимого другого.

Ключевые слова: одиночество, изоляция, эмоции, фольклор, необрядовая лирика.

«Fell a Stone into the Water, Broke away from the Family»: Loneliness and Isolation in the Non-ceremonial Poetry of the Folklore Tradition of the Brest Region

The article characterizes song articulation (with the help of zoological, plant, landscape, actional conceptual codes) of different shades of solitude and related feelings in the context of actualization of certain cultural imperatives and genre scenarios on the vernacular material of Brest region. It is concluded that non-ceremonial poetry, represented by the local tradition of Brest region, motivates to the preference not for free movement within the framework of social spatial mobility and superficial multiple social connections, but to serious involvement of a person in a small (family, clan, neighborhood) group, as well as to responsibility for interpersonal relations in it, to creation of emotions with a relatively narrow specific orientation and deep meaning, including warm feelings in the «reflexive light» of the significant other.

Key words: loneliness, isolation, emotions, folklore, non-ceremonial lyrics.

Введение

Одиночество – многоаспектный социокультурный феномен, который в рамках обыденного и художественного сознания, а также научного социогуманитарного и философского дискурса (экзистенциалистские интерпретации феноменов одиночества и изоляции, социологические, социально-культурные, социально-психологические,

социобиологические, фрейдистские и другие теории одиночества) в общих чертах связывается с переживанием человеком его отделенности от значимого другого, малой группы, сообщества людей, историко-культурной реальности, гармоничного природно-космического мироздания. Хотя возрастание различных глобальных рисков, высокая мобильность, иммиграция и внутренняя миграция, а также меры профилактики и предотвращения распространения COVID-19 усугубляют проблему одиночества человека и «одинокой толпы», вынося на повестку дня соответствующие исследования, научный, философский, художественный интерес к ней имеет глубокие исторические кор-

**Работа выполнена в рамках НИР «Повествовательный женский дискурс в контексте фольклорной традиции Брестчины» (№ госрегистрации 20211451) ГПНИ на 2021–2025 гг. при финансовой поддержке Министерства образования Республики Беларусь.*

ни. Так, разрушительное воздействие одиночества на человека констатируется еще в ветхозаветной книге Екклесиаста: «Человек одинокий, другого нет; ни сына, ни брата нет у него; всем трудам его нет конца, глаз его не насыщается богатством» (Еккл., 4:8). Не менее пристальное внимание к этой проблеме характерно и различным видам и жанрам фольклора, одной из важнейших задач которого была организация и укрепление человеческой общности. Особое место поэтическое осмысление одиночества и изоляции занимает в белорусской необрядовой поэзии (любовной, семейной, социально-бытовой лирике). Поэтому она требует специального осмысления на конкретном локальном материале.

В отношении песенного фольклора, интерпретирующего согласно специфическим жанровым законам проблему одиночества и изоляции, отечественными фольклористами сделаны лишь самые общие замечания. В частности, художественная концептуализация некоторых аспектов одиночества (связанного с сиротством, вдовством, покинутостью повзрослевшими детьми постаревших родителей или несчастной любовью) в белорусской фольклорно-песенной традиции затрагивалась в работах, посвященных необрядовой поэзии [1], семейно-обрядовой поэзии, в первую очередь, похоронных причитаниях [2, с. 310–311], а также календарно-обрядовой поэзии, в частности осенних песнях [3]. На полевого локального фольклорного материала данная проблематика не рассматривалась.

В статье предпринята попытка на полевого и архивного фольклорного материале необрядовой поэзии Брестчины рассмотреть артикуляцию различных оттенков одиночества и связанных с ним чувств в контексте актуализации определенных культурных императивов и жанровых сценариев.

Объект исследования – тексты любовной, семейной, социально-бытовой лирики, зафиксированные автором и студентами БрГУ имени А. С. Пушкина в ходе полевой работы в Брестской области в 2000-е гг. (абсолютное большинство исполнителей – женщины старшего возраста, жительницы села), а также архивные тексты песенного фольклора и другие виды устных высказываний (повествования биографического типа, толкования событий, оценочные сужде-

ния) XX – начала XXI в. Анализ материалов производится главным образом с позиций структурно-функционального и прагматического подходов, направленных на раскрытие прагматики, социокультурных особенностей явлений культуры, коими являются и необрядовые песни фольклорной традиции, и законов их развития. Полевые материалы хранятся в фольклорно-этнографическом архиве лаборатории «Фольклористика и краеведение» (далее – ФА) Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина.

В теоретическом аспекте важно научное представление о том, что, возведя жизненную историю лирического героя к определенному культурному образцу, фольклорные песни предлагают «носителю» традиции не только символический язык для перевода личного переживания в опыт, которым можно поделиться с другими (представив в вербальном и других кодах соответствующее психологическое состояние, в частности одиночество и связанные с ним эмоции), и не только сюжет для осмысления своего прошлого, но и сценарий возможного разворачивания события в будущем. В этом во многом состоит прагматическое значение фольклорных песен. Необрядовая лирическая поэзия может рассматриваться как одна из наиболее эмоционально окрашенных видов фольклора, которые придают эмоциональному содержанию социально приемлемую форму, как это делают и балладно-романсные песни, и тексты ряда иных фольклорных жанров [4, с. 45].

Одиночество лирического героя в семейной лирике

Для семейной лирики характерна трансляция глубоких размышлений героя (героини), страдающего от изоляции и «одиночества в толпе» (т. е. многопоколенной семьи и шире – локального сообщества). Особенно выразительно это представлено в песнях о тяжелом переживании молодой женщиной, по традиции живущей в семье мужа, разрыва с родительским домом (в значении ‘семья’). Еще и сегодня женщины старшего поколения, исполняя такие песни, могут не сдерживать слез, вспоминая свою молодость, например:

«Про Татяночку, можэ... [поет и плачет]: «Тяня ты Тяняна, Тат’янушка, – 2 р. /

Заболіла мні головушка, – 3 р. / Шо чужая то сторонушка, / Шо ны дойти, ны дойихаты, – 2 р. / Свойго роду ны одвідаты. / В чыстом полю там корчомонька, – 2 р. / Там мой мылый напываецця, – 3 р. / 3 мого роду насмыхаецця. – 2 р. / Ны смійсь, мылый, із моего роду, / Пойды в гості хоть бы в сэроду. – 2 р. / А мой мылый всё попэрдуды, / Своей тейчы “на дэнь добры” дае. / Вона ёму й ны отказвае. / – Ты мой зятю, ты мой сыноньку, – 2 р. / Взяв ты дочку як калыноньку, – 3 р. / Ссушив ей на былыноньку. / – Ны я ей, моя матіцю, ссушив, – 2 р. / Ссушыла ей холодна зыма, – 3 р. / Шэ й голодная высна, / В полю гноец роскыдаючы, – 2 р. / До дытятток добыгаючы. / – Ой, шоб у мэнэ рідна маты була, – 2 р. / Вона б мэнэ той пожаловала, – 3 р. / Дытыноньку б прыколыхвала» (ФА; Медно, Брестский р-н).

В зачинах таких песен часто используются прием образно-психологического параллелизма, символы природно-ландшафтного, зоологического, растительного, акционального кодов. Примером сказаному может быть такая песня:

«У городы вышня з-под корыня вышла, / Оддала мынэ маты, дэ я ны привычна. / Выйду я на гору, гляну я на дому. / Вары, маты, вычэру, той на мою долю. / – Варыла, варыла, ны мало, ны трошкы, / Ныма, тобі, доню, ны мыскы, ны ложскы. / Ны думай, маты, шо я тут паную, / Прыды, подывыся, як я тут горую. / Ты ны думай, маты, шо я тут ны плачу, / За гіркымі слёзамы я світу ны бачу» (ФА; Пески, Брестский р-н).

Нестерпимая боль невестки из-за отторжения семьей мужа и тоски по родным, нареkanie на тяжелую женскую долю (обычно адресованное матери) звучат лейтмотивом семейной лирики, известной на Брестчине в активном бытовании по сей день. Частотность перечисленных мотивов позволяет предположить, что моделируемые в них психологические состояния и эмоции лирической героини, в первую очередь обусловленные одиночеством молодой невестки в доме мужа, являются естественными, во всяком случае в первые годы после свадьбы. В свадебных и некоторых других песнях предлагается норматив, позволяющий избежать отторжения молодой семьи и связанных с этим негативных эмоций, – беспрекословное повинове-

ние свекру, свекрови и мужу. Таким образом, утверждается, что нежелательного состояния можно избежать, соблюдая нормы уклада патриархальной семьи. Терпение как основная составляющая «женской доли» изображается в песнях с различной сюжетикой. Женщине предписывается терпеть не только ее отторжение родственниками мужа, но и его «пьянки-гулянки», а также возрастные особенности. Финал сюжета «молодица не желает терпеть старого мужа» плачевен для всех (старого мужа, жены и их детей):

«Ожынывся старый дід, узяў молодую жону. / Молодая жона ны хочэ роботы, старого глядiты, / Послала старого у луг по калыну. / Ідэ старый дід, по пояс займае, / Молодая жона выронькы ны дае. / Ідэ старый дід, вода у вуха льецца, / Молодая жона в запеччы смеецца. / Ідэ стары, ідэ, шапонька ўсплыўнула. / Ой, дяковать Богу, шо збула старого, / Пойду помыж люды шукать молодого. / Ходылы, шукала, ны нашла, плакала. / Прышла додому, ны кажэ нікому. / І нічка холодна, дытына голодна, / А я, молодая, до хлопцов ны годна. / В ныдiльнюку рано, чуть солнышко всходыть, / Молодая жона по мужычку ходыть. / Траву прогортае, старого шукае. / – Ой, вставай, стары, вставай, старусенький, / Бо плачэ по тобі твій сын малюсенький» (ФА; Остромичи, Кобринский р-н).

Глубокая меланхолия и обреченность звучат также в песнях примака, который ощущает себя отторженным в доме жены, где его воспринимают исключительно как рабочую силу:

«Цвіце, цвіце чарамына / Да цвіта не мае, / А хто ў прымах не бывае, / Той гора не знае. / А я бедны прымачына, / Усё гора знаю: / Кулачыны пад бачыны, / Ды спаці лягаю. / Чужы жонкі абед нясуць, / А мае не мае. / Прынясла жонка абедца, / Ды і той без солі, / Зажурыўся прымачына – / Урадзіўсь без долі... / Прыйшла цёшча дый да цёшчы, / Сталі гаварыці: / – У цябе прымак, у мяне прымак – / Не хочуць рабіці» (ФА; г. Иванова).

Одиночество героя в социально-бытовой лирике

Особый пласт социально-бытовой лирики составляют песни о разлуке героя (обычно солдата, казака) с родным домом,

близкими людьми, о его одиночестве в далеком краю. Соглашаясь с М. Мид, что «тоска по дому есть сильная, почти непереносимая ностальгия человека, источник которой – в огромной радости, испытанной им детстве, когда эта радость была связана с чисто детскими удовольствиями: вкусной едой, восхитительными снами там, где был родной дом, от которого человек теперь отделен, в котором ему что-то настоящее напоминает» [5, с. 99], добавим, что для героя белорусских лирических песен эта радость связана с теплыми отношениями с родными людьми, любимым человеком. Как женщины, так и мужчины исполняли песни с концовкой типа:

«Бувай, бувай, будь, мылая, здорова, / Не увідішь больш міня» («Зыйшов місяц, зыйшов ясний, зыйшла ясная зора. / – Куды, мылий, од'їжаєш на коніку со двора? / – Од'їжаю, дорога, на гражданскую войну, / – Пэры-, пэрыночуй, мій мылэнькый, хоть і ночонька одна – 2 р. / – Ночовав бы трычотыры, ночовав бы ночов п'ять, / Но бою-, но боюся, дорога, шоб шэлона нэ проспась. – 2 р. / – Ой, ны бойся, мой мылэнькый, / Я, молодá, чутко сплю, / Як за-, запіе пэрыш півэнь, то я тэбэ розбужу – 2 р. / Піе півень, піе другій, шчэ й курочка сокочэ, / Бужу, бужу я свойго мылого, / Він вставаты нэ хочэ. – 2 р. / – Ой, вставай жэ, мой мілэнькы, / Годэ тобі спась, / Можэ, можэ твоі товаришы, / Всі на коньках сыдыць? – 2 р. / Як схватыўся мой мылэнькы, / Прамо сходу на коня. / – Бувай, бувай, будь, мылая, здорова, / Не увідішь больш міня. – 2 р.» (ФА; Медно, Брестский р-н).

Трагизм одиночества героя усугубляется реальной возможностью смерти, вдвойне страшной от того, что она происходит на чужбине, среди чужих людей. Богатая эмоциональная палитра таких песен создается образно-психологическим параллелизмом, которому соответствует синтаксический параллелизм, и тщательно выверенными элементами традиционных концептуальных кодов:

«Ой, журавко, журавко, / Чого крачэш так жалко? / – А як же мні не крычать, / Шчо так высоко летать. / Унав камень у воду, / Одбілся од роду. / Унав камэнь тай лэжыть, / На чужыне трудно жыть: / Нэма кому пожаліть. / Нэ дай Бо-жэ, помырать, / Нэма кому похувать. / По-

хувае чужына, / Ны родынонька своя» (ФА; Речица, Столинский р-н).

Еще хуже, если одинокая смерть произойдет вне антропогенного пространства, а значит, без необходимых ритуальных актов похорон, и лишь закрывание глаз и причитание могут быть заменены их «природными подобиями»:

«Дала дівчина хустыну, / Казак у да-розе загинуў. / Накрылы очі тэмныя ночы, / Да закопалы ў могілу. / Тэпэр ніхто ны зобачэ, / Дэ лэжыть козачэ, / Только той воран чырненькі, / Шчо лытыть, жалобно крачэ» (ФА; Брест).

В связи с использованием метафоры «Накрылы очі тэмныя ночы» в песне о всеохватывающем (межличностном, социальном, экзистенциальном) одиночестве героя представляют интерес замечания психологов и социологов о том, что темнота ужасает людей, поскольку она символизирует одиночество. Свет же – «это пространственный посредник, опосредствующий (*tertium quid*) “средний член” (Платон, Аристотель), “через” который, “посредством” которого или “в” котором мы можем убедиться, что не одиноки; темнота же, по контрасту, включает нас во внутренней солипсистской данности. Стремление к общению с другим сознанием, наличие которого является взаимным подтверждением нашего собственного существования, становится не чем иным, как обратной стороной потребности избежать одиночества. Эта потребность зарождается на самых ранних стадиях возникновения сознания индивида» [6, с. 63].

Отвечая на вопрос, что ужасает в смерти, Б. Миускович пишет, что «это возможность продолжения нашего сознания, но в полном одиночестве. Мы представляем самих себя как некое солипсистское сознание, обитающее в одиночестве темной (или светлой – не имеет значения) вселенной, скитающееся по необитаемым бескрайним просторам пространства (темноты) и времени в абсолютной пустоте, как одну-единственную ощущающую монаду, беззвучно отражающую от затемненных окон сознания вселенную, где нет ни души, кроме одной-единственной – нашей души» [6, с. 63].

Уход мужчины в армию, на войну, утрата семейных связей становится личной трагедией не только для него самого, но и для его родителей (особенно для матери-

вдовы), жены и малолетних детей. Осиротевшая молодая жена, оставшись одна с детьми в неопределенном статусе «ни девушки, ни вдовы», оказывается в затруднительном положении, о реальности которого выразительно говорит песня:

«Свяці, месяц, свяці, ясны, / І паўночная зара, / Ой, свяці ж ты на дарожаньку, / Дзе мой мілы ад'язджаў. / Ад'язджае, пакідае, / Застаюся сіратой. / Сіратою маладою, / Ні дзяўчынай, ні ўдавой. / Ні дзяўчынай, ні ўдавой, / Салдатчай маладой» (ФА; Подлазье, Ляховичский р-н).

Но даже если солдату удастся вернуться домой, это не значит, что хоть кто-нибудь (родители, братья, сесты или жена) его дождутся:

«Ах ты, горкае карэнне, / Усе крапіўнае, / Ах горкае жыленне, / Усе салдацкае... / Наехалі капітаны, / Усіх салдацікаў патапталі. / Аднаго салдаціка / Да Бог мілаваў. / Паказалі салдаціку / Тры дарожкі ўбаку: / Адною дарожкай пайсці – / К аці, мацеры зайсці. / Яны старыя былі, / Дасюль памерлі. / Другой дарожкай пайсці – / К сястры, браціку прысці. / Яны малыя былі – / Дасюль па міру пайшлі. / Трэцяй дарожкай пайсці – / К маладой жане зайсці. / Яна молада была – / Дасюль замуж пашла».

Социально и межличностно одинокому мужчине остается апеллировать только к природному миру, что на современном языке означает суицид:

«Як ударыўся салдацік / У сыру зямельку: – Зямелька-чарназём, / Прыкапай ты мяне. / Зязюлька шэранька, / Пакукуй ты па мне. / Бязрозка зялёненька, / Пазвані ты па мне» (ФА; Пинск).

Трагические моменты жизни женщин, сначала проводивших на войну мужей, а потом и сыновей (что было жестокой реальностью), также представлены в песнях. В их зачине нередко рисуется картина одинокой жизни вдовы в перекошенной, стоящей на отшибе, в лесу, хате, например:

«Там у лісі стаіць хатына, / Нахілілася вуна, / В туй хатыне жыла Ярына, / Одинокая ўдава. / Гадавала яна сына, / Ды віддала ваяваць, / Асталася відна вдова, / На хазяйстве гараваць. / Усі людзі добра зналы, / Шчо в цым роцэ прыйдэ сын. / Ой, а вдова гірка плачэ, / Шчо в бою загинуў ён».

Сын-инвалид возвращается домой:

«У нідзілю пораненько, / Як шчэ спало вэсэ сэло, / Ду Ярыны ка тэхэнько / Хтось постукаў у акно. / Відчыняе вдова двэры, / Дай пытае, хто й такі. / Стоіць сын на двух кастылях, / Шчэй без правое рукі. / Уваходзіць сын духаты, / Дай сядзе край стула. / – Чы познала, мая мамко, / Свайго сына Васіля? / – Гудовала табе, сынку, / Гудовала, як арла. / А цяпер жэ ты астаўся / Інвалідам навсёгда».

Двум «маргиналам по неволе» остается только в одиночестве оплакивать горе:

«Пусядалі маты з сыном, / Абняліся за сталом, / Свой горэ слязьмі моюць / З сваім сынам Васілём» (ФА; Леплевка, Брестский р-н).

Отметим, что широко представленная в современных солдатских альбомах (как в фольклоре криминальной субкультуры) сентенция «Сына ждет только мать» выразительно коррелирует с такими песнями.

Одиночество лирического героя в любовных песнях

Проблематика одиночества лирического героя широко разрабатывается и протяжными любовными песнями классического фольклора, и более поздними формами романсно-балладного жанра, который в Беларуси появился в связи с социально-политическими переменами второй половины XIX в. и остается популярным по сей день. Многие протяжные любовные песни передают основную эмоцию – одиночество и тоску лирического героя по утраченным любовным отношениям. Выразительным примером может быть фиксируемая по сей день во всех районах Брестской области песня об оставшейся в одиночестве вечером героине:

«Зылёное лысце, білы каштаны, // Ой, як то сумно, як вэчур станэ. // Ой, як то сумно, ой, як то нудно, // Любыла хлопця – забыты трудно...» (ФА; Заозерная, Малоритский р-н).

Нередко песни, следуя своим жанровым канонам, предлагают образец любовной истории с несчастным и даже трагическим финалом. Именно такие варианты изобилуют мотивами одиночества влюбленного лирического героя – покинутого в результате измены либо смерти объекта любви, да и сами влюбленные метафорически

и/или реально умирают от любви, как в песне:

«Каліна-маліна ўкрай мора стаяла. / – Ды чаго ж ты, каліна, так рана завяла: / Ці сушы байшся, ці дажджу бажаш? / – Сушы не баюся, дажджу не бажаш, / Каго верна люблю, за тым паміраю. / – Не памірай, міла, паміраю ўжо ж я. / Прыкмячай жа, міла, дзе ж мая магіла. / Бо мая магіла украй сіняга мора, / Украй сіняга мора, дзе траўка зялёна. / Дзе траўка зялёна, жыта палавее. / – От я тое жыта дай навывысянаю, / Я ж тую травіцу з корнем навывыраваю, / Я ж твае костачкі стуль навывіраю, / У ціхаму Дунаю паперамываю, / Шоўкавым платочкам папераціраю, / Жоўценькім пясочкам паперасыпаю, / Пад зялёным дубам там іх закапаю» (ФА; Ровбицк, Пружанский, р-н).

Эта песня интересна тем, что предлагает «адаптивно правильную» поведенческую реакцию героини на тяжелую утрату «до смерти любимого» человека, и эта реакция свободна от самообесценивания и паралича воли, которые в подобных ситуациях могут вызывать у одинокого человека мысли о самоубийстве (оно, как отмечалось выше, может репрезентироваться картиной диалога депрессивного героя с природными стихиями – землей либо водой, т. е. в природном аспекте герой как бы не одинок, и у него всегда остается шанс, пообщавшись с землей, рекой, морем, быть принятым ими, т. е. похороненным в земле либо утонувшим). В повествованиях биографического типа исполнительницы песен также могут говорить о своей вечной горячей любви. Например, женщина 1935 года рождения из д. Хмелево Жабинковского района в перерыве между пением повествует:

«Ну вэйшла замуж, як вам сказатэ. Був хлопчыць настухом у колхозе, а я дояркью робэла. Вот і так влюбэвся в мэнэ, і вэйшлі. А прожылэ 50 літ, ны распэсаны, ны вінчаны, і прожіла, Богу дяковатэ! Но... смэрць прыйшла і забрала, ужэ от 19 літ, ек ныва чоловіка, сама жіву. Траплялыся хлопцэ, но ны йшла більш ны за кого, бэрэгла свою любов [смеется]. (– Одна и на всю жизнь, да?). – Да, на всю жизнь».

Рассказывая о рукоделии, она снова говорит о горячей любви:

«Ну і голуба вышывалэ, і первую любов [смеется] вышывалы, нарысуюеш того

малюнка такога на полотенцэ, і повісышь “Первая любов” [смеется]. Ой, первая любов... Любов, любов горячая, то остаюцца следы от тэй любві...» (ФА; Хмелево, Жабинковский р-н).

Частотны также песни о том, как парень (молодой мужчина, казак, офицер, дворянин, студент и т. д.) бросает беременную девушку или родившую ребенка женщину:

«З ума звёў, сеў на каня, / – Заставайся, дзеўчынонька, ты сама».

Обычная реакция покинутой героини: *«Калыша дзяціну ды плача», – слыша бесконечные упреки:*

«Да чаго ж ты, мая доню, дачакала!» (ФА; Мочуль, Столинский р-н).

Реже встречается мотив «женщина бросает мужчину с детьми», например:

«Поехаў Семэн на поле ораці / Ды загадаў Кацярыне обед гатоваці. / Да орэ, орэ Семэн, да украй позірае – / Усе жонкі обед несучь, а Кацярыны нямае. / Ды прыехаў Семэн, ды до свое хаты / І пытае у дзецей: / – Ой, дзе ж ваша маці? / – Пошла наша маці ў лес по каліны, / Вона нам жэ говорила, / Шчо навек вас покіну».

Внешняя реакция разгневанного покинутого женой мужчины следующая:

«Да ўдарыўся Семэн об полы рукамі» (ФА; Мочуль, Столинский р-н).

Видимо, независимо от гендерных различий, отчаяние покинутого героя, среди прочего, связано с утратой роли и привычных межличностных связей. «Наиболее значимой культурной детерминантой горя является утрата роли. Роль отца, матери, ребенка, мужа и т. д. предписана культурой, и потеря любимого человека часто означает утрату соответствующей роли. Как указывают Эйврил и другие авторы, потеря роли есть, в сущности, разрушение функциональных связей в результате потери значимого человека» [7, с. 268].

Также редко встречается мотив «мужчина, узнав, что его любимая родила, предлагает ей руку и сердце (либо его родители подталкивают его принять женщину со своим ребенком), но травмированная рождением ребенка вне брака (и отторжением по этой причине) женщина отказывается от предложения». По одной из таких песен, солдат едет в отпуск домой, намереваясь вступить в брак с любимой, родившей от

него ребенка. Но лежащая в коморе больная милая отказывается, бросая в лицо мужчине гневные слова обвинения:

«Бадай, табе, мілы, / Ліхая гадзіна / За тваё каханне / Зраклася радзіна. / Зрокся мяне бацька, / Зраклася і маці. / Церас цябе, мілы, / Будзе век мне страдаці» (ФА; Брест; переехала из д. Подгорная, Чериковский р-н Могилевская обл.).

Как и в предыдущих ситуациях, брошенный, непризнанный значимым другим – любимым человеком – лирический герой мелодраматических песен самостоятельно не может справиться со страданиями, вызванными отторжением, изоляцией и утратой своей роли, и решает возвратиться в лоно природы, говоря современным языком, сценарий завершается самоубийством, например:

«Ой, у лузі каліна стояла, / Ясны месяц на ёю сів, / Над каліной дівчына рыдала, / Бо казак ей правду сказаў: / – Ты дівчына сабою красыва, / Ты найкрашча в свому роду, / Шукай крашчогі сабі за мэнэ, / Бо я крашчу за тэбэ знайду. / Як дівчына слова ці почула, / Дай і пошла ў вішнёвы садок, / Дужэ цяжко вона заплакала, / Нам почувся ёе голасок: / – Ой ты, річка, ты быстра водыця, / І бежыць в тэбэ чыста вода, / Забери мене, річка, з сабою, / Бо вжэ тут мені ішчасты нема» (ФА; Бухличи, Столинский р-н).

Отчаявшаяся обманутая злодеем героиня романсно-балладного жанра идет на этот крайний шаг, чтобы он узнал о ее любви и верности. Интересно, что известная песня «Па Муромской дорожке стояло три сосны» в традиции Брестчины может получать характерное для «жестокосю романса» трагическое завершение. Девушка, встретив злодея, пообещавшего ее одну любить, но женившегося на другой, восклицает:

«Разбил он жизнь младую, / К чему теперь мне жить?» И решает: «Пойду я в лес дубовый, / По нем река течет, / В холмные объятья / Она меня возьмет. / Когда меня достанут / С того речного дна, / Тогда злодей узнает, / Что клятве я верна» (ФА; Олешковичи, Каменецкий р-н).

Герои романсно-балладного жанра переживают одиночество в различных его аспектах, что может стать предметом специального исследования. При этом эмоции могут быть проинтерпретированы с позиции фольклористического подхода как коммуникативное и дискурсивное явление.

Заклучение

Поэтическое осмысление одиночества и изоляции в необрядовой лирике, рассмотренной на фольклорном материале Брестчины, включает событийную сферу жизни лирического героя, эмоциональный и коммуникативный аспекты происходящих событий и их оценку в контексте этического идеала патриархальной семьи, а также проблематизации смены культурных ценностей и паттернов поведения. При этом основными концептуальными кодами выступают растительный, ландшафтный, зоологический, акциональный.

Жанровые сценарии необрядовой лирики белорусов, в т. ч. представленной локальной традицией Брестчины, мотивируют к предпочтению несвободного перемещения в рамках социальной пространственной мобильности и поверхностных множественных межличностных и социальных связей, а к серьезной вовлеченности человека в малую (семейную, родовую, локальную) группу, ответственности за межличностные отношения в ней, созданию эмоций с относительно узкой конкретной направленностью и глубоким смыслом, в т. ч. теплых чувств в «рефлексивном свете» значимого другого.

Народно-песенная традиция утверждает традиционные этические и моральные принципы, следуя которым человек может быть защищен от изоляции и различных видов одиночества, а также стремится, сначала доведя «пользователей» до сильного эмоционального напряжения, а потом сняв его, обеспечить упорядоченность и идеальную социальную и межличностную гармонию, в частности, в сельском сообществе, где важное место отводится взаимозависимости его членов [8] и сплоченности малых групп. В этом состоит основное прагматическое значение рассмотренных песен.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пазаабрадавая паэзія / А. І. Гурскі, Г. А. Пятроўская, Л. М. Салавей ; навук. рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Беларус. навука, 2002. – 564 с.
2. Фядосік, А. С. Адметнасці пахавальнай і памінальнай абраднасці беларусаў / А. С. Фядосік // Сямейна-абрадавая паэзія. Народны тэатр / навук. рэд. К. П. Кабашнікаў. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – С. 346–363.
3. Ліс, А. С. Восеньская календарная лірыка, яе тыпалогія і паэтыка / А. С. Ліс // Беларускі фальклор: жанры, віды, паэтыка / навук. рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – С. 464–510.
4. Encountering Emotions in Folk Narrative and Folklife : Program and abstracts of the 18th Congress of the International Society for Folk Narrative Research, Zagreb, Croatia, 5–8 September, 2021 / ed.: R. J. Kirin, E. Rudan, S. Matić. – Zagreb : Institute of Ethnology and Folklore Research, 2021. – 114 p.
5. Мид, М. Одиночество, самостоятельность взаимозависимость в контексте культуры / М. Мид // Лабиринты одиночества / сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. – М. : Прогресс, 1989. – С. 98–113.
6. Миускович, Б. Одиночество: междисциплинарный подход / Б. Миускович // Лабиринты одиночества / сост., общ. ред. предисл. Н. Е. Покровского. – М. : Прогресс, 1989. – С. 52–87.
7. Изард, К. Эмоции человека / К. Изард. – М. : Изд-во Моск. ун-та. – 1980. – 440 с.
8. Tarzia, W. Tower, Ballad, and Conversational Folklore: the Stable Artifact and the Fluid Commentary of Tradition / W. Tarzia // Assemblage. – 1997. – Nr 2. – P. 55–67.

REFERENCES

1. Pazaabradavaja paezija / A. I. Hurski, H. A. Piatrouskaja, L. M. Salaviej ; navuk. red. A. S. Fiadosik. – Minsk : Bielarus. navuka, 2002. – 564 s.
2. Fiadosik, A. S. Admietnasci pakhaval'naj i paminal'naj abradnasci bielarusau / A. S. Fiadosik // Siamiejna-abradavaja paezija. Narodny teatr / navuk. red. K. P. Kabashnikau. – Minsk : Bielarus. navuka, 2001. – S. 346–363.
3. Lis, A. S. Vosien'skaja kaliandarnaja liryka, jaje typalohija i paetyka / A. S. Lis // Bielaruski fal'klor: zhanry, vidy, paetyka / navuk. red. A. S. Fiadosik. – Minsk : Bielarus. navuka, 2001. – S. 464–510.
4. Encountering Emotions in Folk Narrative and Folklife : Program and abstracts of the 18th Congress of the International Society for Folk Narrative Research, Zagreb, Croatia, 5–8 September, 2021 / ed.: R. J. Kirin, E. Rudan, S. Matić. – Zagreb : Institute of Ethnology and Folklore Research, 2021. – 114 p.
5. Mid, M. Odinochestvo, samostojatel'nost' vzaimozavisimost' v kontiektie kul'tury / M. Mid // Labirinty odinochestva / sost., obshch. ried. i priedisl. N. Ye. Pokrovskogo. – M. : Progress, 1989. – S. 98–113.
6. Mijuskovich, B. Odinochestvo: mezhdisciplinarnyj podkhod / B. Mijuskovich // Labirinty odinochestva / sost., obshch. ried. priedisl. N. Ye. Pokrovskogo. – M. : Progress, 1989. – S. 52–87.
7. Izard, K. Emocii chielovieka / K. Izard. – M. : Izd-vo Mosk. un-ta. – 1980. – 440 s.
8. Tarzia, W. Tower, Ballad, and Conversational Folklore: the Stable Artifact and the Fluid Commentary of Tradition / W. Tarzia // Assemblage. – 1997. – Nr 2. – P. 55–67.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 25.01.2023